Александр МИНДАДЗЕ

Время танцора

Сценарий Александра Миндадзе "Время танцора" получил первую премию на конкурсе "Зеркало", который организовал и провел журнал "Киносценарии". Полностью "Время танцора" будет опубликовано в этом журнале в №1, 1996 год.

К Валерию Белошейкину приехала семья. Первой стремительно на перрон жена Лариса сошла, а уж за ней два бледных северных мальчика спрыгнули, побежали к Валерию, повисли на нем. А потом еще и тесть из вагона, кряхтя, выбрался, тоже явился-не запылился... Валерий, радуясь, оглядел родной свой выводок, средь бела дня вдруг вылупившийся, закричал:

– Все, что ли, нет? Или еще там кто? Может, еще кошка Мурка?

– Мурка пока что повременить решила, – отвечала со значением Лариса. – Еще посмотрю, говорит, на этого Валеру, какое у него там поведение!

– Отличное, какое еще поведение. На пять! – рапортовал Валерий. – Ну, может, с минусом.

– Минус случаем не в юбке ходит коротенькой, мини?

– Это тоже Мурка интересуется? Какая любопытная кошка.

Лариса пообещала:

– Минус мы с тобой вместе исправим, не бойся. Я тебе помогу, если что. И станешь ты у меня круглым отличником, милый.

Она улыбалась, касаясь скользкой темы, зорко в Валерия всматривалась. Но только прижал он ее к себе, сразу обмякла, потупилась беспомощно, молодея и смущаясь после разлуки мужа, как чужого.

А тесть, старый уже человек, в сторонке стоял, волнуясь, смотрел слезящимися глазками на далекие отроги хребтов, вдыхал шумно целебный ветерок, а потом и ногами на цыпочках засеменил, заплясал лезгинку. И "ассо!" звонко прокричал, выставляя, как положено, локоть,

– Ты чего, дедушка? – не понял Федор Кикоть, приятель Валерия, пришедший с ним вместе к поезду помочь с вещами.

– Кавказ! – последовал исчерпывающий ответ для непонятливых.

Кикоть только плечами пожал и пошел по перрону с чемоданами. За ним мальчики повели дедушку. А следом и супруги двинулись, оторвавшись едва друг от друга.

***

На вокзальной площади Кикоть ненадолго семейство оставил и скоро вернулся, подкатил на автобусе, причем сам был за рулем. В раскрывшиеся двери начал ломиться народ, но осаждавшие быстро поняли, что сегодня не их день и рейс этот особый. День был Белошейкиных. Они и сели благополучно в пустой автобус, поехали.

– А вы ведь наш, качканарский, так? – спросила Лариса водителя. – И тоже там на автобусе. Лицо-то знакомое, смотрю!

– Я тоже вас помню с кошелкой, – доложил Кикоть.

– Только тогда с бородой были, как у священника. "Вокзал" – "Мясокомбинат", пятый маршрут.

– Теперь опять "Вокзал", только конечная по-другому называется, – сообщил Валерий.

– Это как же?

– "Рай"! – отозвался водитель.

– Вы серьезно?

– Новый маршрут жизни. Жми, Фидель! – поддержал Валерий.

– Еще в Дом культуры заедем, погоди, – предупредил Кикоть. – Праздник, как-никак, мероприятие, поглядим, как и что.

– А какой же он теперь Фидель? Без бороды? – спросила мужа Лариса. – Был Фидель да весь вышел, все!

– У него, между прочим, еще имя-отчество есть, – сказал Валерий.

– Федор Иванович.

– Мне что же, его по отчеству?

– Да, мадам, извольте.

– Шаляпин, что ли, Федор Иванович? – сострил один из мальчиков.

– А третий твой дружок? – не унималась Лариса. – Еще есть дружок, ты сам писал, третий?

– Еще? Третий? Есть, есть и третий, увидишь! – засмеялся Валерий, и Кикоть тоже почему-то засмеялся.

Лариса опять спросила, еще много было вопросов:

– А почему его по отчеству обязательно? Мы ж еще молодежь или как?

Валерий пожал плечами:

– Заслуги перед Родиной. Устраивает, почемучка?

Но жену его было не остановить:

– Окладистая такая, на весь Качканар борода! Всем Фиделям был Фидель! Борода вместо номера автобуса!

– Еще раз Фидель – и я тебя из автобуса выкину, пусть черножопые порвут, – сказал Валерий.

Тесть услышал, возмутился:

– Поговори, боевой! Сейчас прямо в лоб!

Валерий захихикал, поскорей прилег к полной груди Ларисы, прячась от старика и одновременно вымаливая проверенным способом у жены прощенье.

А Кикоть невозмутимо подруливал уже к зданию с колоннами, к Дому культуры. Там на ступенях толпился народ, преобладали мужчины в форме, казаки. Водитель засигналил, расчищая путь своему транспорту, в ответ дружно и охотно замахали, засвистели, демонстрируя высокий боевой дух.

Выступал казачий ансамбль. Эти, на сцене, выглядели более настоящими, чем сидевшие в зале и от души бившие в ладоши. Были они все с иголочки, в новеньком, с очень залихватскими чубами под фуражками и папахами, все в усах и с шашками в руках. Какие-то там у них на сцене складывались меж собой отношения, интересные, на зависть зрителям-казакам, и война там была, и любовь. И есаулы с сотниками то в шпагатах взлетали, расставив ноги в шароварах, звеня шашками, еще и охаживая друг дружку плетьми, то ходили вприсядку за верткими своими зазнобами-односумками, неуловимо семенившими от них легкими сапожками. Когда музыка смолкла, и танцоры в одно мгновенье замерли, зал молчал впечатленно, и тут поднялся из первого ряда дородный, похожий на бабу, атаман в красном мундире, первым, по чину, проревел свое "любо". Зрители, само собой, его поддержали от всей души. Белошейкины с Китом тоже кричали.

Хоть Валерию и так было нескучно, ведь рядом с ним Лариса сидела. И едва перед новым номером стал гаснуть в зале свет, рука его неумолимо скользнула к коленям жены. Лариса пыталась отразить атаку, но рука все шла и шла дальше единственной дорогой, превозмогая слабые женские силы, и Лариса уже сидела притихшая, прикрыв в полутьме глаза. "Лара!" – пробормотал в волнении Валерий, и она кивнула ему в ответ. И ничто не могло помешать их мгновенной любви, разряд тока между ними пробил обстоятельства жизни, повернул все вспять, на пользу супругам: и свет в зале вовремя погас, и дети их, мальчишки, были еще невнимательны, а тесть уже нелюбопытен и подслеповат. И даже когда Лариса на весь зал ойкнула, и это вышло кстати, на сцене как раз явилось чудо, возник в лучах прожектора всадник! Он был в бурке, неподвижен, как памятник, хоть конь под ним скакал, стуча копытами, и ржал. "Казбек!" – по обыкновению кратко выразил свой восторг тесть и выхватил из кармана папиросную пачку, показал мальчикам картинку на ней: один к одному! Прямо с картинки, что ли, всадник на сцену выскакал?

А потом он Белошейкиных на дороге догнал, всадник этот. Сначала в сумерках, на фоне бледного неба увидели силуэт в бурке или помещались? Но когда "Казбек" вдруг заглянул в автобус, в раскрытое окно, и Лариса с криком отпрянула, заметив совсем близко свирепое лицо, сомнений уже не было, только радостный какой-то ужас: один мальчик смеялся, другой рыдал, а тесть на этот раз не нашел, как выразить свои чувства, лишь беззвучно раскрывал рот. Кикоть то прибавлял газу, то опять замедлял ход, давая всаднику нагнать автобус, при этом дергался, вертел головой, изображая панику. Автобус мчался по разбитой темной дороге, "Казбек" скакал, я Валерий, довольный, прижимал к себе жену: удалась встреча! Потом сказал:

– Ты про дружка еще одного спрашивала? Про третьего? А вот это он и есть, на коне, хочешь – верь, а хочешь – нет.

***

Только вошли в дом, чемоданы еще не внесли, Лариса даже и осмотреться как следует не успела, а со двора уже доносилось ржание, и вот он ворвался, влетел за ними следом, всадник этот, хорошо хоть не на коне, пеший. Скинул на пороге свою бурку, оставшись в казачьем мундире, и, прищелкнув каблуками, склонился перед Ларисой на колено:

– С прибытием, Лариса Алексеевна!

Он держал ее руки, не очень привычные к поцелуям, в своих, не отпускал, серьезный и строгий. Кикоть с Валерием со смеху покатывались, наблюдая спектакль. Оробевшая Лариса тоже заулыбалась, даже всхлипнула растроганно.

– Только с каких таких пор казаки в черкесских бурках разъезжают? – спросил въедливый тесть. – Если ты Казбек, так не казак, а если казак, то ты, малый, точно, дурак!

– Только старые пердуны вахмистрам не указ! – отозвался холодно всадник и, не выходя из роли, схватился за рукоять плети.

– Только усу у вас отклеился, ваше благородие, – заметил между прочим Валерий.

Гость замер ошарашенно, потрогал топорщившийся неловко ус. Да, срезал его Валерий в высокой точке парения! На лице всадника была боль, он улыбнулся беспомощно:

– Е-мое, все на одного навалились, прямо куча-мала!

Он содрал усы, снял с головы папаху, и Лариса радостно всплеснула руками:

Так я вас тоже знаю, вы к нам телевизор приходили ремонтировать! Приходили?

– Телевизор "Темп", трубку я вам менял, – не отрицал всадник.

– А вот и нет, ошибочка! Телевизор "Рубин"!

– У нас тогда еще "Темп" был, – подтвердил тесть. – Приходил, помню, мастер-ломастер.

Всадника звали Андрей Подобед. Какая разница, кем он был раньше. И кем они были, его друзья, Кикоть с Валерием. Жили они теперь, видно, по иным законам, среди которых закон дружбы был едва не главным. И, забыв о спектакле, всадник шагнул к друзьям:

– А чего это мы не здороваемся, я не понял?

И Кикоть уже раскрыл навстречу ему объятия:

– Ну, иди, иди сюда, твое благородие! Куда запропастился?

– Да здесь я, Фидель, вот он я, куда денусь!

С Валерием, правда, заминка вышла. Без охоты он к гостю приблизился, вроде поневоле, не спеша распахивать объятия.

– Ну-ка, милые! – Кикоть, недолго думая, схватил обоих, свел вместе руками-рычагами, прижал лбами, так что уже им и деваться было некуда.

– Е-мое, Валерка, ты чего? Зла не держи! – сказал Подобед.

– Ладно! – отозвался Валерий. – И ты прости меня, если что!

Было что-то между ними, только им известное, но они уже стояли втроем, это главное. Мужчины за тридцать, но еще не к сорока. И Валерий тоже уже, забыв об обидах, тыкался подбородком в плечо Подобеда, в погон со звездами.

А всаднику все было мало:

– Качканар! – рявкнул он вдруг, и конь со двора привычно отозвался, заржал.

***

А Лариса, пока муж тискался с дружками, ушла в дом, по комнатам ходила, осматривалась. Дом небольшой, обстановка скромная, но все вроде обжитое, когда только ее Валерик успел? В одной из комнат Лариса нашла своих мальчиков, они там спали, сраженные наповал усталостью. Посапывали на двух детских диванчиках. Уже и диванчики им приготовил заботливый отец. Но что поразило Ларису, так это игрушки на коврике между диванчиками. Хотя что же в них особенного, в игрушках в детской комнате?

Заглянула на кухню. Посуда, чашки да ложки. Буфет, сервиз за стеклом. В другой комнате Лариса увидела широкую тахту, застланное покрывалом семейное ложе. Зеркало тут было, трюмо, там даже мелочь разная – пудренница, расчески. А в шкафу платья висели на вешалках!

Валерий как раз в комнату вошел, встал за спиной жены со скромной улыбкой. И она прошептала:

– Сказка... Это чье все?

– Так если я дом со всеми потрохами купил. Жили люди, уехали. Чье же это все? – спросил Валерий.

– Наше?

– И ведь по дешевке.

– Ну, купец! А что за люди-то, кто?

– А я почем знаю, я их в глаза не видел.

– А что ж они вещи-то свои побросали?

– Не знаю, говорю. Торопились, значит, очень, – пожал плечами Валерий и повалил Ларису на тахту.

Они повозились, легли рядом, прислушиваясь к голосам с веранды. Там

Экран и сцена –

прижал лбами, так что уже им и деваться было некуда.

– Е-мое, Валерка, ты чего? Зла не держи! – сказал Подобед.

– Ладно! – отозвался Валерий. – И ты прости меня, если что!

Было что-то между ними, только им известное, но они уже стояли втроем, это главное. Мужчины за тридцать, но еще не к сорока. И Валерий тоже уже, забыв об обидах, тыкался подбородком в плечо Подобеда, в погон со звездами.

А всаднику все было мало:

– Качканар! – рявкнул он вдруг, и конь со двора привычно отозвался, заржал.

***

А Лариса, пока муж тискался с дружками, ушла в дом, по комнатам ходила, осматривалась. Дом небольшой, обстановка скромная, но все вроде обжитое, когда только ее Валерик успел? В одной из комнат Лариса нашла своих мальчиков, они там спали, сраженные наповал усталостью. Посапывали на двух детских диванчиках. Уже и диванчики им приготовил заботливый отец. Но что поразило Ларису, так это игрушки на коврике между диванчиками. Хотя что же в них особенного, в игрушках в детской комнате?

Заглянула на кухню. Посуда, чашки да ложки. Буфет, сервиз за стеклом. В другой комнате Лариса увидела широкую тахту, застланное покрывалом семейное ложе. Зеркало тут было, трюмо, там даже мелочь разная – пудренница, расчески. А в шкафу платья висели на вешалках!

Валерий как раз в комнату вошел, встал за спиной жены со скромной улыбкой. И она прошептала:

– Сказка... Это чье все?

– Так если я дом со всеми потрохами купил. Жили люди, уехали. Чье же это все? – спросил Валерий.

– Наше?

– И ведь по дешевке.

– Ну, купец! А что за люди-то, кто?

– А я почем знаю, я их в глаза не видел.

– А что ж они вещи-то свои побросали?

– Не знаю, говорю. Торопились, значит, очень, – пожал плечами Валерий и повалил Ларису на тахту.

Они повозились, легли рядом, прислушиваясь к голосам с веранды. Там веселье набирало обороты, уже и кричал кто-то, не иначе, всадник. Тут ударили стенные часы, Лариса вздрогнула:

– Это что?

– Да часы бьют, не бойся.

– У них тоже двое пацанов было, как у нас.

– У кого?

– Да у этих людей.

– Наверно. Тоже пацаны или девчата.

– Девчата в куклы играют, а там в детской автоматы, – сказала Лариса. – А ты у меня тоже, что ли, теперь казак?

– Я у тебя человек мирный, – отозвался Валерий. – Я как сюда приехал, сварщиком пошел, по профессии. Тут после войны работки было! Ты писем моих, что ли, не читала? – возмутился он.

– Много сварил, сварщик?

– Нашу с тобой жизнь сварил. Много?

Она кивнула, замолчала. Гладила его, ероша на голове волосы. Потом спросила:

– Ну? А твой где автомат, Валерик?

– Ох, заладила! Я уж и отвык за год. Лишь бы тебе ля-ля, да? – обиделся Валерий.

Тут опять с веранды закричал "Качканар!" знакомый голос, и он, помрачнев, сказал:

– Так, давно не слышали! Теперь не уедет, пока дел не натворит! Все под откос не пустит!

– Прибился к вам земляк и хорошо. Он веселый!

– Присосался, скажи! Двое живут, а веселый не дает... е-мое! - передразнил Валерий, но мысли его были не об этом. Он еще поулыбался и, хмыкнув, полез на жену, лег на нее сверху пластом и так лежал, обняв ее лицо ладонями, глядя в глаза.

– Тебе чего не нравится, Лара?

– Все хорошо, Валерик.

– Да врешь ты.

– Ну, честно, хорошо, вот привязался!

Она улыбалась, потом гримаса исказила ее лицо, она его грубо с себя сбросила сильными руками, села на тахте. Валерий тоже поднялся:

– Сейчас я прямо эти все шмотки выкину, хочешь?

– Не надо, зачем?

– А чего хочешь?

– Я здесь, Валерик, все равно не смогу.

– Так обратно поезжай, раз такое дело, возвращайся, – сказал Валерий.

– И поеду.

– Вот давай. На завод в три смены, соскучилась? А детишки твои пусть по карьерам гоняют, рентгены хватают.

– Здесь, может, еще хуже рентгены, – сказала Лариса.

Валерий рассердился, терпение лопнуло:

– Давай-давай, на завод! Баба-мужик!

Жена не осталась в долгу:

– Ты, умный, давно под забором валялся?

Она обиделась, а он еще больше. Ведь не пил он теперь, и следа не было прежней жизни. И Валерий даже не нашелся, что ответить, только задохнулся и выскочил из комнаты, хлопнув от души дверью.

А Лариса еще посидела на тахте и пошла к шкафу, вытащила платье. Приложила к груди у зеркала. Такое не надеть было грех!

Она переодевалась, а в комнате за спиной опять стоял муж. Вернулся. Пожирал ее глазами.

– Ты это, ты выйди, – сказала Лариса.

– Чего это? Не видел, что ли? – запротестовал Валерий.

– Выйди вон, сказала! – повысила она голос, глядя с любовью на свое отражение.

– Ну, извиняюсь, извиняюсь! – попятился Валерий к двери, радуясь вновь обретенному миру.

***

Лариса шла в танце, платье на ней трещало. Кружилась, прикрыв глаза, била мощными ногами в пол, а вокруг нее вприсядку скакал, скинув вахмистрский мундир, Муж Валерий с Кикотем тоже плясали, да и пыль тут же прыгал по-козлиному, в воротне негался.

Среди своих и новые лица встречались, соседи зашли на огонек, за рюмочкой, но с гармошкой. Того с рюмочкой Лариса толкнула, другой сувернулся, а она плыла дальше, сметая нечаянно все на своем пути, и вот подплыла к другому, к суне, кроме Ларисы тут и другая была, тоже, вертлявая, в короткой юбке: "Ты кто?", ответ только рассмеялась. – "А я вот приехала, буду жить, жить!" – кричала Лариса. –Пол, смотри, провалишь." "Чего." "Аж стеклат тебя дрожат!" – все смеялась незнакомка, тут за ехидство на нее вылился целый жбан рсола, выпавший из чьих-то уже некрепких рук Тонкая и внимания не обратила, хоть вся стала мокрая, с головы до ног, плясала без останови. – "Да кто ты, кто?" – допытывалась Лариса."Еще узнаешь!" – последовал ответ. – "А чья ты чья?". – "Еще увидишь!".

Но сейчас же и выяснилось, чья она на самом деле, ненакомка эта в рассоле, разгадались сами собо все загадки. Или она только сейчас поняла, что мокрая насквозь, или уже надоело скакать морой, но плясунья, наконец, в сторонку отошлаказала капризным голосом:

– Господин вахмистр? Сколько можно ждать, ваше благородие?

Не дождаясь, она повернулась и пошла с веранды, за ней опрометью Подобед бросился, вскочив пола.

***

Звалиее Катя Смагина. Выйдя из дома, она закурила сигарету, тонкую, как она сама. Тут Подобедследом с крыльца спрыгнул, и Катя сказала:

– Ты поводи-ка меня, дружок. Даром что ли, благородие?

Он с птовностью прищелкнул каблуками:

– Окажите честь, сударыня!

– Рассльчиком от меня как, будь здоров?

– Мы ввосторге от вашего аромата.

Она посмотрела на него в темноте, прищлядываясь:

– Ты откуда такой? Чего дурака валяешь?

– Я сейчас в казачьем ансамбле "Сполох". Мы пляшем там, на конях скачем. Ехал на войну и не доехал, опоздал! – пожаловался Подобед. – А поскольку я раньше на сцене в самодеятельности

– Длинно говорить, дружок. Пошли, пошли!

Она потянула своего провожатого за рукав, потому что долго он еще стоял бы на месте, разглгольствовал.

За калиткой спросила нетерпеливо:

– Где ж твой коняга хваленый? Чего мы на него не сядем?

Качканар был у них за спиной, послушно следом шел в отдалении.

Предпочитаете верхом, сударыня? – опять сделал каблуками Подобед.

– Давай коня зови, Господи! Давай, ты оглох, что ли?

Она выкрикнула с внезапной яростью, Подобед даже отпрянул. Ушла из-под фонаря в темноту, пропала. Нет, он опять услышал ее голос:

– Ну, тварь пьяная! С ног до головы, надо же! Я телу все прилипло – невозможно терпеть! Ах, ад! Сука мордатая!

Нет, не к нему это относилось, слава Богу. Подобед улыбнулся, замерев под фонарем. И главное, не ушла она совсем, не растворилась в ночи, рядом была, хоть и ругалась отчаянно!

А вот это уже к нему относилось, ироплюбивое, ласковое:

– Ну, благородие, где ты там? Здесь, нет? А коняга? Эй, друзья, вы там заснули, что ли?

– Качканар! – рявкнул Подобед и шагнул к Кате в темноту.

Он подал руку, едва ее различая, она сама его руку нашла, а потом и стремя они вместе нашли, и вот женщина уже сидела на коне, а за ней и Подобед вскарабкался, не привыкать было. Поехали.

– Теперь рассказывай, – разрешила она.

– Длинно?

– Длинно не успеешь. Путь близкий.

– А куда мы едем?

– Твой конь знает дорогу. Ведь ты не раз уже подъезжал к моему дому, признавайся?

– Не отрицаю, сударыня. А может, мы это... ко мне в общежитие? – робко спросил он, выходя из роли.

Катя засмеялась:

– Благородие в общежитии!

– Да есть у меня дом, есть друга дом, но все равно, как мой! – сообщил Подобед не без гордости. – Он воевал, ему дом дали. Не купил, как некоторые! Борода у него была, у друга: сбрею, говорит, как война кончится. Когда сбривал, она у него была чуть не до пояса! Но это будет длинно, если рассказывать! – спохватился он.

Ей надо было договорить:

– И никто не знает про денежки, никто. И что скупой, знаю только я, это уж точно!

– Еще не конец?

– И только я знаю, что я его люблю. Ужас, благородие!

Она поставила звонкую точку, рассмеялась, и тут выплыла на небе яркая луна, осветила дорогу, бредущего коня, двух на нем всадников. Катя сидела к Подобеду лицом, она была голая!

– Откуда вдруг луна, а? – только и спросила.

Да, голая совсем. С мокрыми вещичками в руках.

Он даже "е-мое" не говорил, молчал.

– Я тебя не стесняюсь, благородие.

Подобед пришпорил коня. Он не видел дороги. И Катя уже не знала, куда они мчатся, летят бешеным галопом. Рука ее легла на плечо Подобеда, потом и другая рука к нему потянулась, замыкая объятия. И ненужные ее вещички куда-то улетели, канули.

Так и сидели бы в забытьи, прижавшись друг к другу, но конь вдруг встал. Качканар-то знал дорогу! Все, приехали. Забор, калитка. Дом с темными окнами.

Женщина опомнилась, вскрикнув, спрыгнула вниз и побежала, визжа, стыдясь своей наготы. И Подобед тоже спрыгнул, зарычал, помчался за ней к дому. Дверь перед носом захлопнулась, он в нее колотил и колотил, мрачно, без слов. А потом пошел назад к коню.

***

Ночью Лариса не могла заснуть, а Валерий уже сопел рядом, и полная рука жены заменяла ему подушку. Опять били на стене часы, но чужой их грозный бой уже сходил на нет, становился даже привычным, ласковым. И уже привычной была тахта, продавленная другими телами, и свет торшера, и зеркало, в котором они отражались с Валерием... И постаревшее, незнакомое его лицо рядом... оно уже стало родным! Часы били и били, неестественно быстрым казался ход времени, и Лариса все не спала, прислушиваясь, различая в ударах перезвон новой жизни.

Хоть много в ней еще неясного было, пугающего, в наступающей этой жизни. На голом боку мужа глубокой бороздой тянулся шрам, выползал с поясницы на живот, чуть не к пупу. Мирный человек, электросварщик, всхрапнув, перевернулся на другой бок, прикрывая локтем боевую отметину. Лариса, разгадав первую тайну, тоже засопела, погружаясь в сон.

Но только она глаза закрыла, Валерий сразу глаза открыл. Потому что еще тайны были, кроме этой. И не на спине, не на боку у него они были написаны, глубоко в душе спрятаны. И вот Лариса заснула, а Валерий проснулся, его час настал! Поднял осторожно голову с руки жены и выскользнул из постели.

Экран и сцена –

И бежал, неловкий, задыхающийся в ночи, спотыкаясь на колдобинах, бежал, как мальчишка, со всех ног, по спящему поселку. И, прибежав к дому с темными окнами, в дверь стучал – хитро, с перестуком, прислушиваясь, а потом забарабанил отчаянно, волнуясь, что в доме никого нет.

Открыли все же ему. Легкие шаги донеслись, распахнулась дверь. Он сказал, утирая рукавом мокрый лоб:

– А я это... думал все, уехала!

– Испугался?

– Очень, Катюха.

– Да чего я вдруг, куда?

– Ситуация вроде изменилась, нет?

– Разве?

Катя только пожала плечами, пропуская его в дом.

– Тебе, что ли, все равно, что жена моя приехала? – не выдержал Валерий.

– Да нормально. Ну, жена.

– И как же все будет?

– Опять этим дурачком прикроюсь, в случае чего.

– У тебя здорово получилось, Ларка не поняла ничего.

– И мне понравилось им прикрыться, – сказала Катя.

Он схватил ее в темноте:

– Я серьезно! Я не дурачок!

– Ну, как будет? Так и будет. Ходить ко мне будешь... бегать по ночам, как заяц! – засмеялась Катя. – Или нет? Завяжем с этим делом?

– Так ведь не получится уже завязать, – отозвался Валерий.

– Любовь? – удивилась Катя.

Он все стоял, держа ее руку, не отпуская, прижав к губам.

– Е-мое! – оценила она.

– Да!

Погладила его по голове, как маленького, жалея:

– Эх, ты... заяц с осколком в спине! Упадешь, смотри, в яму, жененьки-то опять... раз! И отнимутся.

Он обрадовался:

– А ты... ты тогда медсестричкой опять станешь, опять ходить меня без костылей научишь!

– И ты опять будешь бегать!

– И в яму, в яму! Да, да! – он все тыкался растроганно ей в ладонь лицом. Катя вздохнула:

– Не завяжешь с тобой, милый! – И, скинув привычно халатик, пошла, белея телом, куда-то в угол, заскрипела кровать. – Ты чего не ложишься, Валера?

– Потому что ты так ложишься... раз-два! Как будто ты за деньги.

– Ты разве мне платишь, скупой?

– А надо?

– А попробуй.

– А чего это я скупой?

– Богатый потому что.

– Да кто тебе сказал? – рассердился Валерий.

– Так к чему тогда вопрос, если бедный?

– Так к чему тогда ответ? Вообще мы чего-то запутались, нет? – Валерий стоял посреди комнаты, не зная, что делать, задыхаясь в паутине слов. Катя сжалилась, позвала его:

– Ложись, Валера. Ложись, распутаемся.

Он не заставил себя уговаривать, пошел к ней. Трудный, что и говорить, выдался у него денек, но Валерий справлялся, потому что делал все от чистого сердца. Оно у него, видно, большое было, сердце, полное любви, и любви этой, всякий раз настоящей, хватало на всех с избытком.

Двое его друзей тоже не спали в глухую ночь, в предрассветный уже час, бледнея лицами, сидели возле дома Кикотя, один говорил, тра не закрывал, другой слушал и увещевал по-хозяйски:

– Ну, идем, Андрейка, ладно! На своем месте лежишь, где обычно. Пошли, спать-то осталось!

– А жить осталось?

– Так теперь, наверно, поживем, отвоевались?

– Ты умный, что ли, Фидель? А он сейчас подойдет и руку опять под пиджак – раз! А там у него дура с глушителем. Как?

– Да кто подойдет, кто? – спрашивал Кикоть, не ища смысла в ночных рассказах гостя, желая только довести разговор до конца.

– Он, этот! Двое их было, один в сторонке остался, а этот сразу ко мне. Меня уже убирать пора было как свидетеля!

– А ты?

– Да ускакал, конечно, верхом я был.

– Что ж ты видел такое, свидетель?

– Не слышал, именно видел! Не слышал, потому что глушитель. Но видел, как они из дома вышли, хорошо видел! Уже дело свое сделали и из калитки мне навстречу. А я на коне, влюбленный!

– А что за дом-то этот, чей?

– А жены моей.

– Так ты разве женат, Андрейка?

– Андрейка разведен.

– Значит, прежней жены дом?

– Нет, уже новой.

– Так не женат ты, елки-моталки!

Невозмутимый Кикоть, устав, кашлял сердито в кулак. Непонятные речи, странные. А главное, и конца не видно!

– Не женат, но, считай, женат!

– Это как же так?

Дальше-больше:

– Первую жену я тоже голую сначала увидел, а потом женился. В бане за ней подсматривал, еще мальчишкой был. А эта сама разделась и на коня ко мне – прыг, даже не ожидал! Женюсь, женюсь, уже женат!

Кикоть не выдержал:

– Давай сюда!

– Чего?

– Знаешь, чего! Зелье твое давай. Я тоже малость потяну, что ли. А то ведь с ума с тобой сойду, Андрейка!

Вот в чем было все дело. В веселом этом огоньке, что гас и разгорался в руках Подобеда, в табачке, который он, пьянея и пьянея, курил во время беседы.

Огонек перепрыгнул к Кикотю, вспыхнул с новой силой. Подобед даже по такому случаю приумолк, ждал, в лицо друга всматривался с любопытством:

– Ну, ты там как, Фиделито?

– Да кисло чего-то и все. Сроду этой гадости в рот не брал.

– Сейчас, потерпи! К ангелам полетишь, меня догонишь!

– Да пока я вроде еще на взлетной полосе, – сказал Кикоть. – Пошли, давай. По койкам, на боковую!

Но не тут-то было. Подобед вскочил с лавки:

– Ты слышал, нет? Шаги!

И побежал через двор, на ходу рассте гивая кобуру. Он скрылся в кустах, а потом опять возник в рассветной мгле, возвращался, пряча пистолет.

Кикоть сказал с усмешкой, на него зелье, видно, не действовало:

– Что-то выстрела не слышал! Или он у тебя тоже с глушителем?

Подобед только покачал головой, ему было не до смеха:

Я этого человека запомнил, но ведь и он меня запомнил хорошо, так? И он все равно придет с дурой под пиджаком. Но лучше я первый к нему приду, так или нет, друг Фиделито?

Он постоял еще, беспокойно озираясь, сел наконец. Где-то в глубине двора уже бешено лаяла, рвалась с цепи собака.

– Ух, чудовище... все не приручишь никак? – спросил Подобед.

– Куда там, не подходи!

– Помнит прежних хозяев, не забывает.

– Да ты ей не понравился! – сказал Кикоть.

Он сидел рядом, кутаясь в клубах коварного дыма, сидел как сидел, но что-то вдруг блеснуло на его лице, и Подобед разглядел слезу, катившуюся по щеке друга.

– Андрейка!

– Ты чего, Фидель?

Кикоть молчал, смотрел в серое небо, будто что-то там увидел, различил, Подобеду еще невидимое.

– Андрейка! – встрепенувшись, снова позвал он, но опять ничего не сказал, только сжал руку Подобеда.

И уже тер слезящийся глаз:

– А едкий табачок, зараза!

И не зря тер, сразу увидел: человек вдоль забора крался! И не химерой, вместе с дымом прителевшей, это было: шел, шел человек хитрой своей дорогой, мелькал в кустарнике! И все, ушел, пропал, затрещав напоследок сучьями.

Кикоть, теперь уже и сам встревоженный, двинулся вглубь двора за пришельцем, а друг его, возясь на ходу с кобурой, бежал уже, конечно, впереди.

Когда Кикоть вошел в кусты, он там никого не обнаружил, ни званого своего гостя, ни другого, незваного. И тут в тишине затрещали яростно сучья, донеслись голоса, шум вспыхнувшей борьбы. Спеша на помощь другу, Кикоть перемахнул через штакетник, увидел, наконец, сцепившихся противников. Они катались в траве, потом Подобед залез на пришельца, оседлал, в присутствии Кикотя сразу сил прибавилось:

"Хотел враспилох, гад? А я вот он, тутоньки!". Незнакомец лежал лицом вниз и только мычал. "Теперь мычи, мычи на здоровье!" приговаривал Подобед, его обыскивая: "Дура где, пушка, давай!".

И тут противник, зарычав, его с себя сбросил, рванулся прочь из кустов.

Подобед опять его настиг, опять они повалились, но место уже было открытое, светало, и оба сразу прекратили борьбу.

– Ты?! – спросил Подобед потрясенно.

– Тихо, только тихо! – прошептал Валерий и оглянулся на окна спящего дома, ведь это был его дом.

– Темно в кустах, не видно ни черта, – объяснил Подобед.

– Ладно, бывает!

Валерий все ему сейчас готов был простить, уже простил, другая была забота. "Тс-с!" – он приложил палец к губам.

И пошел на цыпочках к дому, стремясь побыстрей проскочить в заветную дверь – и ведь уже проскочил, и дверь даже сама перед ним распахнулась, но дальше хода не было – жена Лариса на пороге стояла: – Вы чего, ребятки? Вон уж птички поют!

– Так мы тоже птички ранние! – сказал Валерий.

Она спустилась с крыльца, не переставая улыбаться:

– Ага, я от вашего пения проснулась!

– Ну, Лара, погулять вышли, что ж такого?

– Синяк вон у тебя под глазом.

– Так мы такие – то деремся, то миримся. Дружба только крепче! – пришел на помощь Валерию Подобед.

Так вы молодцы, я смотрю! Ну, гуляйте, ребятки, гуляйте! – Лариса еще поулыбалась и пошла обратно в дом.

Валерий тоже было за ней пристроился, но жена вдруг обернулась:

– Ты куда это?

– Как это я куда? Домой к себе! – удивился Валерий.

– Нет, ты погуляй еще, проветрись, – сказала Лариса. – А то очень от тебя рассолом несет!

И еще добавила, торжествуя победу, со скромной своей улыбкой:

– А я пока письмо кошке Мурке про твое поведение... Минус-то, Валерик, в мини, как ни крути. Ну, вот так и напишем!